

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ РЕГИОНА

Лысак И.В.¹, Богданов В.В.¹

¹ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону, e-mail: ivlysak@sfnu.ru

Проведено исследование образовательного и воспитательного потенциала социальной памяти региона. Показано, что социальная память, будучи сама динамическим, конструктивным объектом, выстраивает не только свое собственное содержание, но и задает проекции своего собственного видения, познавательного инструментария, необходимые дисциплинарные институты как для своего бытия, так и для познания; способна выступать одновременно онто-гносеологическим объектом; субъектом, генерирующим междисциплинарный интерес к себе; и формой, методом познания себя и воспринимаемого ею образа реальности. Доказано, что социальная память способна вполне активно формировать, конструировать причинно-следственные цепочки в прошлое, ориентируясь на актуальные вызовы современности и даже нормативное представление о будущем. Обосновано, что эффективным является исследование не национальной, а региональной социальной памяти, т. к. малые группы являются инициатором, источником и исполнителем изменений в социальной реальности, а их непосредственным вдохновителем и регулятором являются локальные формы сознания и коммуникации. Исследованию социальной памяти малой группы наиболее соответствует методология устной истории, осуществляемой посредством проектной деятельности, которая является одновременно образованием в исконном смысле этого слова. Показано, что наиболее естественным эволюционным механизмом приспособления к среде региональных сообществ является известная в международном праве традиция гармонизации. Обосновано, что для успеха региональной политики необходимо изучение социальной памяти региона и ориентация на его образы.

Ключевые слова: память, социальная память, устная история, образование, региональная политика.

EDUCATIONAL POTENTIAL OF THE RESEARCH ON SOCIAL MEMORY OF A REGION

Lysak I.V.¹, Bogdanov V.V.¹

¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, e-mail: ivlysak@sfnu.ru

The research on educational and pedagogic potential of social memory of a region was conducted. It was shown that social memory as a dynamic and constructive object builds not only its own content, but projects its own vision as well, learning tools, necessary educational institutes for its own being and for knowledge. Simultaneously, social memory can be an onto-gnoseological object; subject generating interdisciplinary interest; a form, a method of learning about self and image of reality that it perceives. It was proved that social memory is able to rather actively form, construct cause-and-effect relationships with the past, orienting itself on challenges of modernity, and even common vision of the future. It was rationalized that the research of regional social memory is effective as oppose to the research of national social memory. Small groups are initiators, source, and agents of changes in social reality, while local forms of consciousness and communication inspire and regulate them. The research of social memory of a small group corresponds to the oral history methodology realized by project activity that at the same time is education in its most indigenous meaning of the word. It was shown that the tradition of harmonization, known in international law, is the most natural evolutionary mechanism of adaptation of regional communities to the environment. It was found that the study of social memory of a region, and orientation on its images are necessary for a successful regional politics.

Keywords: memory, social memory, oral history, education, regional policy.

Исследовательский интерес к проблемам социальной памяти, несмотря на то что пики публикационной активности по данной проблематике регулярно сменяются достаточно длительными периодами стагнации, общепризнанно носит устойчивый характер. Наметившаяся к концу XX в. тенденция расширения проблемного поля в исследованиях социальной памяти сопровождалась выходом за пределы традиционного дисциплинарного

пространства. Социальная память постепенно становилась объектом все большего количества научных направлений. Однако существенный сдвиг баланса публикаций по проблемам социальной памяти в сторону увеличения, на порядок превосходящий весь период предшествующих исследований, произошел не столько благодаря количественному росту научных дисциплин, относящих социальную память к сфере своих интересов, сколько благодаря активной междисциплинарной коммуникации по проблемам социальной памяти. Междисциплинарность не просто оказалась органичной формой исследования социальной памяти, она фактически выстроена в логике неклассической рациональности, опирающейся на коммуникативную природу познавательного процесса, где особую роль, определяющую содержание знания, играют виды и формы общения познавательных субъектов. Однако этим дело не ограничивается. Когда речь идет о социальной памяти, то недостаточно констатировать совпадение формы и содержания, недостаточно акцентировать внимание на междисциплинарном характере ее изучения (хотя именно этого акцента не доставало исследованиям в течение всего XX в.). Социальная память не является только неким устойчивым объектом и проекцией, в которой сходятся различные дисциплины (системы знания). Социальная память, будучи сама динамическим, конструктивным объектом, выстраивает не только свое собственное содержание, но и задает проекции своего собственного видения, познавательного инструментария, необходимые дисциплинарные институты как для своего бытия, так и для познания. Иначе говоря, социальная память способна выступать одновременно онто-гносеологическим объектом; субъектом, генерирующим междисциплинарный интерес к себе; и формой, методом познания себя и воспринимаемого ею образа реальности. «Традиционная память предполагала порядок и иерархию, идею нации; нынешняя становится все более локальной памятью групп. Память по своей природе избирательна, она способна "удерживать только то, что ее укрепляет". Отсюда, группы хотят помнить только то, что им выгодно... Говорить о наличии в настоящем прошлого можно только в случае устойчивой трансляции эффективного опыта и моделей, но эффективного не для власти, а для социума в целом, его самоорганизации и самоуправления... Избирательная интерпретация прошлого в той степени, в какой оно помогает понять настоящее (М. Фуко). Условно объективно-субъективный "конструкционизм", основанный на изучении изменения интерпретаций прошлого в зависимости от изменения социокультурных доминант (фигур речи, моделей описаний и объяснений, "игры властных отношений")» [1, с. 84, 96].

Чаще всего интерес к социальной памяти связан с задачами сохранения и формирования национальной идентичности, формированием патриотизма, если последний понимается в конструктивном плане: «патриотизм – это не только сопричастность с достижениями, не

только гордость за успехи, но это и переживание неудач, боль от поражений, это неосуждение своей родины в любых ситуациях и принятие ответственности за сегодняшнее состояние родной земли. Именно это принятие своей родины такой, какая она сейчас, и стремление сделать ее лучше, а не тоска по былому величию и славе составляют основу подлинного патриотизма. В противном случае патриотизм превращается в свою противоположность» [5, с. 14]. Такой доминирующий мотив рано или поздно становится «политикой памяти», со всеми вытекающими из этого властными атрибутами, конструированием прошлого, мифологизацией, отбором и переинтерпретацией исторических фактов. Этот аспект достаточно хорошо изучен и имеет существенный односторонний перекосяк. Он рассматривает социальную память как пассивную «чистую доску», на который можно наносить «полезные» образы прошлого и игнорировать «малозначимые». Критерий отбора «достойных памяти» событий изменяется вместе с изменением политической конъюнктуры. Реже обращается внимание исследователями на активную сторону социальной памяти. Между тем социальная память способна вполне активно формировать, конструировать причинно-следственные цепочки в прошлое, ориентируясь на актуальные вызовы современности и даже нормативное представление о будущем. Конституируемый из потребностей настоящего и идеалов будущего образ прошлого выстраивается в согласованную систему представлений в соответствии со шкалой традиционных для рассудка категорий, преобразуя хронологическую цепь образов в диахронную и синхронную подсистемы, в которых прошлые события выстроены как предпосылки, источники, ресурсы настоящего и будущего. Делая существенную поправку на учет активной составляющей социальной памяти, следует, однако, заметить, что ее недооценка представителями «политики памяти» не является простым упущением. Все дело в том, что холистская интерпретация социальной памяти, для которой целое (национальная социальная память) не сводится к сумме своих частей (индивидуальных воспоминаний), не применима в полном объеме к социальной памяти нации, тем более если в основу ее существования заложен принцип федерализма. А вот в отношении социальной памяти регионального сообщества, чьим объединяющим фундаментом является единый набор возможностей, инструментов, институтов, интеллектуального потенциала, апробированных практик, конструирование социальной памяти способно реализовать свой активный самосозидательный потенциал независимо от того, насколько этнически разнообразным является состав населения малого региона. Таким образом, в активное выстраивание настоящего и нормирование будущего способна внести свой неисчерпаемый потенциал социальная память представителей малого региона с устойчивым набором ресурсов и природных возможностей вне зависимости от национального разнообразия его представителей. Более того, именно формирование центров

регионального единства способно стать катализатором единства национального, а не наоборот.

Третьим аспектом, в котором социальная память и ее исследования представляет эвристическую значимость, является ее мобилизационно-динамический потенциал. Само по себе осознание междисциплинарного характера любого современного социального исследования является общим местом. Уходят в прошлое узконаправленные проекции типа *Homo Ludens* (Й. Хейзинга), *Homo economicus* (Д. Канеманн, А. Тверски) и т.д., равно как время «картин мира» (физическая, химическая и пр.) вместе с осознанием условности, текучести как границ, «уровней» самой реальности, так и с осознанием конструктивизма, конвенциональности наших представлений о ней. Но дело здесь даже не в отсутствии связующих эти проекции теорий. Гораздо важнее то, что такие проекции, «срезы» претендуют на глобальность и с необходимостью фиксируют консервативное, устойчивое, стабильное. Между тем современная социальная динамика в таких теориях признается *post factum* наряду с контрадикторной для высокой динамики консервативной природы общественного сознания и его ценностей. В этих всем известных теориях реформация, изменения в константах сознания просто фиксируются как уже произошедшие, наличные. Как происходит развитие этого процесса, изменение общественного сознания, такие глобальные теории ответа не дают. Все дело в том, что маркером в глобальных теориях выступает «большинство», «преобладающее», принципиально направленное на самосохранение. В то время как инициатором, источником и исполнителем изменений в социальной реальности выступают малые группы. А их непосредственным вдохновителем и регулятором являются локальные формы сознания и коммуникации. Фундаментальную роль в становлении локальных форм сознания играет социальная память малой группы. Таким образом, исследование социальной памяти малых групп позволяет вскрыть подлинные механизмы, инструменты и технологии, ценностные ориентиры и эвристики воплощения эффективных стратегических решений, показать потенциально устойчиво поддерживаемые направления социальной мобилизации, предостеречь от субъективистских утопических начинаний. Формирование сетевой структуры социальных изменений с множеством центров интеллектуальных инноваций начинается с исследования «банка данных» успешных социальных проектов. Именно поэтому в современной международной практике грантовой поддержки социальных исследований абсолютным приоритетом пользуются проекты исследования региональных малых социальных групп и их локальной ментальности, включая целый спектр кросс-культурных исследований в границах указанного региона.

Одним из наиболее востребованных подходов к исследованию социальной памяти малой группы является методология, известная историкам как устная история. Устная история

представляет собой многообразные практики сбора устных рассказов представителей ранних поколений. В рамках проекта исследования социальной памяти региона устная история представляет собой не беспорядочные воспоминания очевидцев о событиях прошлой жизни, а регулируемый тематический опрос по различным методикам людей, непосредственно причастных к событиям, имеющих ключевое значение для жизни и развития региона, с рефлексией актора о различии в прошлых и нынешних социокультурных условиях и предпосылках, современных и прошлых ресурсах; компаративистский анализ институтов и способов управления, ценностных ориентиров и наличных недостатков. У историографии благодаря устным рассказам возникла возможность, по словам А.Я. Гуревича, «подслушать то, что изучаемое общество не сумело или не позаботилось о себе рассказать» [2, с. 62]. Устная история, возрожденная на стыке методов многих социальных дисциплин, отражает эти тенденции современной эпохи, т.к. письменные источники далеко не составляют *summa culturae*, а исследования в области устной истории граничат с функцией спасения [7, с. 182]. Оказалось, что устная история никогда не укладывалась в рамки одной дисциплины, она всегда междисциплинарна. Но даже тогда, когда устная история не была объектом специального самостоятельного исследования в отечественной исторической науке, связанные с ней или выходящие на нее научные сюжеты преломляются в исследованиях других дисциплин. Н.П. Матханова подчеркивает: «Мемуары часто содержат уникальные сведения, факты, отсутствующие в других источниках: о закулисной стороне процессов выработки политических решений, подлинной роли отдельных лиц, истинном авторстве сочинений и документов и т.д. Они особенно ценны при изучении истории общественного сознания, повседневности, при создании биографий. Благодаря мемуарам могут быть воссозданы исторический фон, на котором развивались события, атмосфера и колорит эпохи. Иногда в их текстах сохраняются документы, письма. В ряде случаев мемуары – единственный или главный источник наших знаний о тех или иных событиях или их аспектах. Немалую ценность имеют сведения об отдельных людях, их взглядах, действиях, привычках. Различия в индивидуальных впечатлениях дают возможность расширить и обогатить представления об исторических событиях и известных деятелях. Мемуары являются источником по истории не только той эпохи, которая в них описывается, но и той, в которую они создаются» [6, с. 346]. На историко-политический контекст информации в мемуарах обращает внимание П.А. Зайончковский: «Без обращения к дневникам и воспоминаниям буквально невозможно изучение целого ряда сторон исторического процесса, и в первую очередь вопросов внутренней и внешней политики. Материалы официального делопроизводства... освещают лишь одну сторону вопроса – официальную. Дневники, а также воспоминания дают представление о другой – закулисной стороне

изучаемого явления, позволяют уточнить приводимые в официальных материалах сведения» [4, с. 4].

В личной памяти, согласно В. Дильтею, содержится «высшая и наиболее instructивная форма, в которой нам представлено понимание жизни. Здесь жизненный путь дан как нечто внешнее, чувственное, от чего понимание должно проникнуть к тому, что обусловило этот путь в определенной среде. Поэтому человек, понимающий этот жизненный путь, идентичен тому, кто создал этот путь... Тот же самый человек, который пытается найти связность истории своей жизни, реализовывал все то, что он воспринимал как ценность своей жизни, как ее цели, что он проектировал в качестве планов жизни, то, что он, вглядываясь в свое прошлое, интерпретировал как развитие себя, а заглядывая вперед – как формирование своей жизни и как ее высшее благо, – во всем этом он уже выявил связность своей жизни в различных аспектах, которую сейчас необходимо раскрыть. Вспоминая различные мгновения своей жизни, испытанные человеком как наиболее значимые, он выделяет и делает акцент на некоторых из них, а другие предает забвению. Его ошибочные оценки значимости того или иного мгновения жизни исправит будущее... Среди этих переживаний сохраняются в памяти и извлекаются из бесконечного потока событий и предаваемого забвению лишь те, которые имеют особую значимость сами по себе и для связности жизни, и эта связность создана самой жизнью, сохраняясь в различном местонахождении человека, в постоянных его передвижениях. Итак, задача исторического описания наполовину выполнена самой жизнью» [3, с. 139].

Методология устной истории успешно реализуется в проектной деятельности студента-исследователя. Запись сложного интервью представляет собой не хронологию событий, а анализ личного опыта. Такой собранный материал предполагает критический анализ сообщаемой информации, соотнесение с опытом других лиц и личными представлениями, сопоставление с официальными версиями событий, сравнительный анализ ценностных и целевых установок, идеологии и устоявшейся традиции. Частные истории людей являются тропинками к объективной истории сообщества, микропроекцией к определенному контексту и в конечном итоге к истории культуры. Подробные методики исследовательского проекта средствами устной истории изложены в работах Р. Вилиса, М. Виланова, Р. Грила, Ф. Жутара, С. Лейдесдорфа, П. Лейлиота, Ч. Моррисея, А. Невинса, Л. Нитхаммера, П. Пассерини, А. Сэлдона, Я. Талсма, П. Томпсона, Е. Чанга и др.

Образовательный контекст реализации методологии устной истории начинается задолго до того, как автор проекта приступает к интервью. Успех проектной деятельности зависит от уровня начальной подготовки, погруженности ее автора в детали социокультурной, исторической ситуации, знания особенностей ее отражения в разных социальных группах, не

уступающей детективу способности фиксировать детали и не упускать «мелочей», проблемного видения описываемого события, наличия способности абстрагирования. Недостаток любого из этих навыков приводит к тому, что автор проекта не сможет ориентировать, вести интервью, пропустит существенное, лишится необходимого материала для последующего анализа. Когда же речь идет об интервью в определенном региональном контексте, то требования к количеству начальных междисциплинарных знаний автора проекта значительно возрастают: от знания природно-климатических особенностей до знакомства с экономическими практиками и местными властными элитами. Такой широкий диапазон компетенций не предусмотрен ни одним профессиональным стандартом и заранее предполагает ориентацию на коллективный, междисциплинарный характер исследования и навыки работы в команде.

Наконец, итоговым преимуществом проекта исследования социальной памяти региона является его соответствие современным исследовательским трендам. В эпоху глобализации широко рекламируемые тенденции к универсализации, стандартизации оказались вовсе не доминирующими. Скорее, наоборот, набирает обороты известная в международном праве традиция гармонизации, суть которой состоит в том, что правовые субъекты переходят на преимущественно договорные формы отношений, в основу которых кладутся не универсальные правовые нормы, а выбранные участниками договора локальные нормы права. В контексте рассматриваемого проекта речь о гармонизации может идти в расширении, плюрализме практик реализации региональной внутренней политики, как наиболее естественном эволюционном механизме приспособления к среде. Такой плюрализм практик и дает предшествующий позитивный опыт, транслируемый его авторами в современную ситуацию региона.

Таким образом, исследование социальной памяти региона, помимо традиционно отмечаемых исследователями функций социальной идентификации, патриотического воспитания, социализации и др., является существенным образовательным проектом, позволяющим не только освоить навыки полевого исторического исследования, методы социологического анализа и сбора информации, социокультурного обобщения, но и сформировать перспективные выводы о потенциале, ресурсах, технологиях, доказавших свою эффективность в локальной практической деятельности. Социальная память непосредственно фиксирует успешные модели, опыт, практики, имевшие место в данном регионе, она фактически является нормативной конструкцией для использования в настоящем и будущем, одновременно формируя критерии оценки любых видов деятельности. Эти модели и критерии являются существенным механизмом, в соответствии с которым существующая власть либо учитывает социально значимую информацию,

подстраивается под образы социальной памяти и получает социальную поддержку, либо теряет кредит доверия, когда перестает соответствовать доминирующим в социальной памяти образам деятельности.

Список литературы

1. Богданов В.В., Черников П.Ю., Байлов А.В. История и память: проект междисциплинарного исследования социальной памяти. — Таганрог : ТТИ ЮФУ, 2010. — 102 с.
2. Гуревич А.Я. История историка. — М. : РОССПЭН, 2004. — 288 с.
3. Дильтей В. наброски к критике исторического разума // Вопросы философии. — 1988. — № 4. — С. 135–152.
4. Зайончковский П.А. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях : в 5 т. — М., 1976. — Т. 1. — 300 с.
5. Лысак И.В., Наливайченко И.В. Патриотизм: отжившая ценность или актуальный тренд? — Таганрог : Изд-во ЮФУ, 2013. — 120 с.
6. Матханова Н.П. Мемуары // Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. / гл. ред. В.А. Ламин. — Новосибирск : Ист. наследие Сибири, 2009. — Т. 2. — 727 с.
7. Оболенская С.В. «История повседневности» в современной историографии ФРГ // Одиссей: Человек в истории. — М. : Наука, 1990. — С. 182–198.